

Накануне было праздника Христова дни,
Канун-де честного Благовещенья,
Выпадала порошица-де, снег а молодой.
По той-де порохе, по белому по снежку,
Да не белый горносталь следы прометывал. -
Ходил-де, гулял ужо купав молодец,
Да на имя Чурило сын Плёнкович,
Да ронил он гвоздочки серебряные,
Скобочки позолоченные.
Да вслед ходя, малые ребятушка
Да собирали гвоздочки серебряные,
Да тем-де ребята головы кормят.
Да загулял-де Чурило ко Бермяты ко высокоу терему.
Да Бермяты во дому да не случилось,
Да одна Катерина прилучилася.
Отворялось окошечко косивчатое,
Не белая лебедушка прокычала, -
Говорила Катерина таково слово:
«Да удалый дородный добрый молодец,
Да премладыи Чурила ты сын Плёнкович!
Пожалуй ко мне во высок терем».
Пришел-де Чурило во высок терем,
Крест кладет по-писаному,
Да ноклон-от ведет по-ученому,
Кланяется да поклоняется
На все четыре на сторонушки,
Катерины Чурило и в особину.
Да брала Катерина та доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Да начали играть а с ним во шахматы.
Говорит Катерина та Микулична:
«Да премладыи Чурила ты сын Плёнкович!

Да я тя поиграю – тебя Бог простит,
А ты меня поиграешь – тебе сто рублей».
Да первый раз играл Чурило – ею мат давал,
Да взял с Катерины денег сто рублей.
На другой-де раз играл – да ей другой-де мат давал,
Да взял с Катерины денег двести рублей.
Да третей-де раз играл – да ей третей-де мат давал,
Да взял с Катерины денег триста рублей.
Да бросала-де Катерина доску хрустальную,
Да шахматы бросила-де серебряные,
Да брала-де Чурила за руки за белые,
Да сама говорила таково слово:
«Да ты, премладыи Чурилушко сын Плёнкович!
Да я не знаю – играть <ли> с тобою во шахматы,
Да я не знаю – глядеть на твою красоту,
Да на твои-то на кудри на желтые,
На твои-то на перстни злаченные.
Да помешался у меня разум во буйной голове,
Да помутились у меня-де очи ясные,
Смотрячись-де, Чурило, на твою на красоту».
Да вела его во ложню во теплую,
Да ложились спати во ложни теплые,
Да на мягку перину на пуховую,
Да начали с Чурилом забавляться.
Да была у Бермяты-де девка-чернавка его,
Да ходит она по терему, шурчит да бурчит:
«Хороша ты Катерина дочь Микулична!
Еще я пойду к Бермяты, накучу да намучу».
Да того Катерина не пытаючи,
Да во ложне с Чурилом забавляется.
Да пошла-де девка во Божью церковь.
Приходит-де девка во Божью церковь,

Крест-от кладет и по-писаному,
Да поклон-от ведет по-ученому,
На все стороны девка поклоняется,
Да хозяину Бермяты-де в особину:
«Ласковый мой хозяйнушко,
Да старьи Бермята сын Васильевич!
Да стоишь ты во церкви Богу молишься,
Над собой ты невзгоды-то не ведаешь.
Да у тебя в терему есть ужо гость гостит,
Да незванный-де гость а не приказыванный,
Да с твоею-то женою забавляется».
Да говорил-де Бермята таково слово:
«Да правду говоришь, девка, – пожалуйю,
А нет, – тебе, дуры, срублю голову».
Говорила-де девка таково слово:
«Да мне, сударь, не веришь, – поди сам а досмотри».
Да пошел-де Бермята из Божьей церкви,
Да пришел ко высокому ко терему,
Да застучал во кольцо-де во серебряное.
Спит Катерина. не пробудится.
Да застучал-де Бермята во второй након.
Да спит Катерина, не пробудится.
Да застучал-де Бермята во третей након,
а изо всей могуты-де богатырские;
Теремы ты все да пошаталися, Маковки поломалися.
Услышала Катерина та Микулична,
Да выбегала в одной тоненькой рубашечке без пояса,
В одних тоненьких чулочиках без чоботов,
Отпирала Катерина широкие ворота,
Запускала Бермяту Васильевича.
Говорил-де Бермята таково слово:
«Что, Катерина, не снарядна идешь?»

Сегодня у нас ведь честной праздничек,
Честное Христово Благовещенье».
Да умее Катерина, как ответ держать:
«Да ласковый мой хозяйнушко,
Да старый Бермята сын Васильевич!
Да болит у меня буйная голова,
Опушалась болесница ниже пупа и до пояса,
Да во те ли во нижние черева,
Не могу хорошо я обрядиться».
Да пришел-де Бермята во высок терем,
Да увидел-де платье всё Чурилово,
Да шапка, сапоги, да всё Чурилово.
Говорил-де Бермята таково слово:
«Да хороша ты Катерина дочь Микулична!
Да я этое платье на Чуриле все видал».
Да умее Катерина, как ответ держать:
«Ласковый мой хозяйнушко,
Старый Бермята сын Васильевич!
Да у моего родимого у брателка
Да конями с Чурилом-то поменяюся,
Да цветным-то платьем побратанюся».
Да того-де Бермята не пытаючи,
Да берет-де со стопки саблю вострую,
Да идет-де Бермята в ложню теплую.
Да увидел Чурила на кровати слоновых костей,
На мягкой перины на пуховые.
Да не лучная зорюшка просветила,
Да вострая сабелька промахнула,
Да не крущатая жемчужина скатилася, -
Да Чурилова головушка свалилася,
Да белые горох а расстиляется,
Да Чурилова кровь и проливается,

Да по той-де по среды кирпичные
Да Чуриловы кудри валяются.
Да услышала Катерина та Микулична,
Да брала два ножа она, два острые,
Становила ножи черенем во сыру землю,
Да разбегалась на ножики на острые
Да своею она грудью белою.
Да подрезала жилие ходячее,
Да выпустила кровь и ту горячую.
Да погинуло две головушки,
Да что хорошие головы, не лучшие.
Да старые Бермята сын Васильевич
Да дождался Христова воскресенья,
Да пропустил-де он неделю ту он светлую,
Старую девку-чернавушку
Да берет ея за правую за рученьку,
Да сводил-де девку во Божью церковь,
Да принял с девкой золотые венцы,
Да стал жить-быть да век коротати.
Да мы с той поры Бермяту в старинах скажем,
Да премладого Чурилу сына Плёнковича.